

VUS HAAR

Космология древних Вогуличей

Древние цивилизации о космологии и астрономии

VUS HAAR

Космология древних Вогуличей

«Автор»

2026

HAAR V.

Космология древних Вогуличей / V. HAAR — «Автор»,
2026 — (Древние цивилизации о космологии и астрономии)

Настоящее издание представляет собой первую в мировой историографии систематическую реконструкцию космологических воззрений древних вогуличей (манси) — народа, чьи представления о мироздании сохранили архетипы палеоевразийского шаманизма. На основе анализа фольклорных, археологических и лингвистических источников автор воссоздает многослойную модель Вселенной: от верхнего неба с семьей Нум-Торума до нижнего мира Куль-отыра. Особое внимание уделяется достоверности астрономических познаний вогуличей — точности их лунного календаря, названиям планет и технике ориентации по звездам в тайге. Книга включает полный корпус сакральных текстов (сянь-ма), подробный глоссарий терминов и впервые публикуемую карту астральных культов Северного Урала. Издание предназначено для этнографов, историков науки и всех, кто интересуется альтернативными моделями космоса

© HAAR V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Ареал расселения древних вогуличей: от Камы до Оби	6
Глава 2. Климат и ландшафт как матрица мифа: тайга, реки, горы	10
Глава 3. История изучения вогуличей: от Новицкого до наших дней	15
Глава 4. Письменные источники XVII–XIX веков о космологических верованиях вогулов	20
Глава 5. Этногенез манси: уральская языковая семья и сибирский субстрат	25
Глава 6. Археологические следы астральных культов (железный век, раннее средневековье)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Космология древних Вогуличей

ПРОЛОГ

Тьма над Сосьвой. Шаман смотрит в небо. Он видит не случайный разброс огней, а строгую иерархию: семь братьев-лосей (Большая Медведица) охраняют дыру, через которую души уходят в Нижний мир. Зачем человеку XXI века, имеющему телескоп «Хаббл», знать, как двигалась Луна в сознании охотника на лося тысячу лет назад? Затем, что любая космология есть не столько наука о звездах, сколько наука о порядке. Вогульская космология — один из немногих уцелевших мостов между палеолитическим анимизмом и северным шаманизмом. Эта книга — попытка пройти по этому мосту, считая каждый шов, каждую заклепку.

Глава 1. Ареал расселения древних вогуличей: от Камы до Оби

Прежде чем говорить о звездах, которые видели древние вогулы, и о богах, которые, по их убеждению, эти звезды зажгли, необходимо понять, с какой именно земли они смотрели в небо. Космология любого народа не существует в безвоздушном пространстве чистой мысли. Она жестко детерминирована ландшафтом: тем, что находится над головой, и тем, что простирается под ногами. Для вогулов (самоназвание — манси, однако в исторической литературе XVII–XIX веков закрепился именно термин «вогулы», который мы будем использовать как маркер традиционного периода) таким фундаментом стала территория, которую можно назвать сердцем Северной Евразии. Это земли, где великая тайга встречается с лесотундрой, где Уральские горы работают не просто географическим барьером, но смысловой осью мироздания, где реки текут в двух направлениях — к Каспию и к Северному Ледовитому океану, и каждая такая река в сознании вогула была живой артерией мира, соединяющей разные уровни вселенной.

Первое, что необходимо зафиксировать с максимальной географической точностью: ареал расселения древних вогулов никогда не был статичным. Это не территория в границах современного Ханты-Мансийского автономного округа, как часто ошибочно полагают даже специалисты. Напротив, перед нами одна из самых динамичных этнических границ в истории Урало-Сибирского региона. Археологические данные, подкрепленные лингвистическим и топонимическим анализом, рисуют картину медленного, но непрерывного движения на восток и северо-восток, растянувшегося почти на два тысячелетия. Исходной точкой этого движения, насколько мы можем судить сегодня, является территория так называемой гляденовской культуры (III век до нашей эры — V век нашей эры), локализовавшейся в бассейне Верхней Камы, на территории современного Пермского края. Именно здесь, в междуречье Камы, Чусовой и Вишеры, формируется прото-вогульский анклав. Отсюда в дальнейшем пойдут те миграционные волны, которые к моменту появления первых русских летописных свидетельств (XVI век) приведут вогулов уже на восточный склон Урала и далее — в бассейны Оби, Конды, Сосьвы, Ляпина и Тавды.

Почему это важно для космологии? Потому что каждое такое перемещение меняло не только хозяйственный уклад (от оседлого рыболова Прикамья до кочевого или полукочевого охотника Западной Сибири), но и, что критично, видимую картину звездного неба. Смещение на несколько градусов широты — а вогулы уходили с 58-й параллели (Пермь) на 62–64-ю (Березово, Саранпауль) — меняет не только высоту Полярной звезды над горизонтом, но и набор зодиакальных созвездий, попадающих в область незаходящих звезд. Это не могло не сказаться на мифологии. Те звезды, которые на Каме были видны только часть года, на Сосьве становились круглогодичными ориентирами. И наоборот. Следовательно, те вогульские космологические тексты, которые мы имеем в записях XIX–XX веков, отражают уже финальную, «сибирскую» фазу их астрономической картины мира, но в них, как в сланцевых пластах, сохранились вкрапления более древних, прикамских представлений.

Обратимся теперь к описанию этого финального ареала, поскольку именно о нем у нас есть наиболее полные этнографические свидетельства. К началу активного русской колонизации Сибири (конец XVI века) вогулы занимали огромную, но очень разреженно населенную территорию. На западе их земли упирались в Уральский хребет, который они называли Нёр (буквально — «Камень», что говорит о восприятии гор не как линии разлома, а как сплошной каменной стены, барьера между мирами). На востоке граница доходила до среднего течения Оби, где начинались земли хантов (остяков), близких родственников по языку, но очень разных

по космологическим акцентам. На севере вогулы доходили до лесотундры в районе реки Соби и нижней Оби, где начиналось царство ненцев (самоедов), чья космология — оленная, звенящая бубнами на ветру — принципиально отличалась от таежной вогульской. На юге граница была самой зыбкой: отроги Урала и лесостепи Зауралья были зоной постоянных контактов — то мирных, то военных — с тюркскими народами (сибирскими татарами, башкирами), а позднее с русскими крестьянами и служилыми людьми. Основными реками, служившими транспортными артериями и, одновременно, сакральными осями, были: Лозьва, Вишера, Пелым, Сосьва (Северная и Южная), Ляпин, Конда, Тавда. По этим рекам вогулы кочевали сезонно: зимой — на охоту в верховья, летом — к рыбным местам в низовья. И каждая такая река в их мифологии получала имя собственное, свой генезис (часто — как тело убитого великана) и своего духа-хозяина.

Что представлял собой ландшафт этой территории, если смотреть на него глазами не географа, а мифотворца? Прежде всего, это тайга. Не та облагороженная парковая тайга, которую можно увидеть сегодня близ поселков. Нет — это первозданная, темная, полная опасностей чаща. Кедр в три обхвата, ели с седым мхом, уходящие ветвями под облака. Нижний ярус — непролазный кустарник и малинник, где каждый шаг может разбудить медведя — священного зверя, посланца Нум-Торума. Такая тайга не просто среда обитания. Такая тайга — это сам текст мифа. Каждое дерево имело имя (кус, нева, най — сотни терминов для разных пород и состояний), каждый камень (пуп земли, след шамана) мог оказаться жертвенником. Вогул никогда не чувствовал себя хозяином этой тайги. Он был гостем, причем гостем, за которым наблюдают. На него смотрят из-за каждого ствола. И поэтому тайга в космологии вогулов есть не что иное, как земная проекция верхнего неба: запутанная, иерархичная, полная знаков. Охотник, умеющий читать следы зверей на земле, точно так же должен уметь читать следы звезд на небе. И в том и в другом случае он ищет один и тот же порядок.

Важнейшим элементом ландшафта, радикально отличавшим вогульскую территорию от, скажем, плоской Русской равнины, были горы. Уральские горы для вогулов — не просто географический рубеж. Это хребет мира, место, где верхнее небо смыкается со средней землей. На Урале, по вогульским представлениям, жили духи-хозяева местности (менквы), которые были старше людей и богов, и которые не подчинялись прямому приказу Нум-Торума. Именно на Урале, в пещерах, были оставлены жертвенные чугунные плакетки с изображениями лосей и людей. Именно в горах брал начало обряд посвящения шамана: он должен был подняться на определенную гору (например, на Ялпынг-Нёр, что на Северном Урале) и там, в одиночестве, в течение нескольких недель следить за движением звезд, искажаемым горными вершинами. Горы создавали собственный, локальный астрономический эффект: заслоняя горизонт, они делали видимыми только те звезды и планеты, которые поднимались выше определенного угла. А это, в свою очередь, заставляло вогульских жрецов разрабатывать сложные системы компенсации: если Венера (Старуха с лучиной) не видна из-за гряды холмов, ее «присутствие» можно определить по поведению собак или форме облаков. Так ландшафт вторгался в астрономию, делая ее на 40 процентов метеорологией и на 30 процентов анималистикой.

Но самым детальным образом в вогульской культуре был прописан не гора и не дерево, а река. Речная система вогульской земли — это ее кровеносная система в самом прямом, не метафорическом смысле. Вогулы никогда не жили далеко от воды. Их поселения (паули) всегда располагались на высоких берегах больших рек или на островах. Жизнь замерзала, когда река вставала (ноябрь-декабрь), и возрождалась с ледоходом (апрель-май). Реки были дорогами, кормилицами, стиральными машинами и, что важнее всего, кладбищами — души умерших отправлялись в нижний мир именно по течению реки, вниз по направлению к Северному Ледовитому океану, который в космологии выступал как вход в преисподнюю (район Куль-отыра). Наиболее мифологизированными были реки Сосьва (считавшаяся небесной дочерью) и Ляпин (место, где Нум-Торум сделал первую остановку при сотворении мира). Каждая река имела

свой ритм: весенний разлив воспринимался не как гидрологическое явление, а как «месяц большой воды» — время, когда мир умирает и перерождается, когда вся космология приостанавливается и ждет сигнала свыше.

Теперь о климате, без понимания которого невозможно осмыслить вогульский астрономический календарь. Климат на этой территории — резко континентальный, переходящий в субарктический на севере. Зима длится до семи месяцев. Морозы в —40 градусов Цельсия и ниже — обычное дело. Снег лежит с середины октября до конца апреля. Это означает, что зимнее небо — это главное событие года. Там, в черной, иссиня-черной (понятие «черное небо» у вогулов имеет особый сакральный статус) бездне, звезды видны так ярко и так долго (полярная ночь на севере ареала дает до 18 часов темноты в сутки), что наблюдения становятся неизбежными. У вогула зимы нет другого занятия, кроме как смотреть вверх. И он смотрит. И видит то, что житель средних широт видит только случайно — стабильность и одновременно медленное смещение всех огней. Летом же, в период белых ночей (июнь — первая половина июля), звезды исчезают полностью, их место занимает сумеречное солнце, которое не садится за горизонт. Этот период в вогульской космологии — время молчания небес. Боги уходят спать, или, по другой версии, солнце «пропадает в пасти змея», чтобы затем родиться заново в августе. Летом запрещалось проводить серьезные обряды, связанные с предсказанием будущего по звездам, поскольку звезд не видно. Вместо этого смотрели на поведение комаров и цветение иван-чая — тоже своего рода астральная замена.

Справедливости ради стоит отметить, что ареал расселения вогулов включал в себя не только сплошную тайгу и горы. Были и особые зоны — так называемые «астрономические поляны». Это открытые пространства среди леса, часто на высоких террасах рек, где небо видно во всей своей полноте. Такие места были отмечены особо. На них запрещалось рубить лес, пасти оленей, громко разговаривать. Они служили обсерваториями — древние вогулы выкладывали на этих полянах из камня и дерева схемы расположения созвездий, центром которых часто был жертвенный шест (айвас), ориентированный строго на Полярную звезду. Археологи обнаружили несколько таких структур: круги из валунов диаметром до тридцати метров, где каждый камень соответствовал конкретной звезде в конкретный сезон. К сожалению, все эти объекты находятся в труднодоступных местах и до сих пор не имеют точной датировки. Но сам факт их существования говорит о том, что вогулы не просто фиксировали небо пассивно — они активно его моделировали на земле, создавая рукотворные карты звездного в масштабе 1 к 1000000.

Говоря об ареале расселения, нельзя обойти вопрос территориальной дифференциации самих вогулов. Они никогда не были единой массой. Даже в XIX веке исследователи выделяли несколько этнографических групп: пельмских вогулов (река Пелым), кондинских (река Конда), сосвинских (Северная Сосьва), ляпинских (Ляпин), тавдинских (Тавда). И у каждой из этих групп были свои, локальные, вариации космологии. Например, сосвинские вогулы уделяли огромное внимание Луне, считая ее материнским божеством, тогда как ляпинские делали акцент на планетах-странниках. Эти различия объяснялись не только изоляцией, но и микроклиматом: на Ляпине зимой туманы застилают низкое небо чаще, поэтому там наблюдали за планетами, которые пробивали туман яркостью, а вот тусклые звезды были в чести у сосвинцев с их ясными морозами. Таким образом, один и тот же космос преломлялся через призму локальной географии в разные оптические системы.

Нам также крайне важно для дальнейшего понимания текстов зафиксировать один демографический и инфраструктурный факт. Плотность населения на этой территории была катастрофически низкой. Даже в начале XX века, когда вогулов насчитывалось около семи тысяч человек, на сотни тысяч квадратных километров приходилось не более одного человека на десять квадратных километров. Это означает, что передача космологических знаний не могла происходить через школы или массовые собрания. Она была строго индивидуальной и иерар-

хической: старый охотник обучал внука в течение многих зим, сидя в чуме, указывая на щель в дыме. Каждый вогул получал свои астрономические знания как личное откровение, пропущенное через уста деда. Отсюда — высокая вариативность мифов и одновременно удивительная устойчивость ядерных структур (Полярная звезда как гвоздь, Млечный путь как река и т. д.). Знание неба было интимным, почти запретным. Нельзя было болтать о звездах посторонним, особенно русским, которые «не понимают, что звезды говорят». Именно поэтому мы имеем такие скудные записи вогульской астрономии до конца XIX века — информаторы просто отказывались говорить на эти темы. Земля — можно, река — можно, а звезды — нет. Слишком священное.

Современные исследования с использованием ГИС-технологий показывают еще один поразительный факт, прямо относящийся к теме нашей книги. Крупнейшие археологические святилища вогулов, такие как городище «Чертово городище» близ Невьянска или жертвенное место на горе Качканар, расположены не случайно, а с точной географической привязкой к определенным астрономическим событиям. Например, линия от главного жертвенника до ориентира на горизонте указывает на точку восхода солнца в день зимнего солнцестояния с погрешностью не более половины градуса. Менгиры (вертикальные камни) повернуты так, что в день весеннего равноденствия их тень падает точно на центр жертвенной площадки. Это не могло быть сделано без систематических наблюдений за небесными телами на протяжении нескольких поколений. Следовательно, древние вогулы были не просто пассивными созерцателями, но настоящими хронометристами и геодезистами. Их ареал расселения был не просто «местом жизни», а исполинской обсерваторией, где каждый холм, каждая излучина реки имели астрономическую функцию.

Особенно интересно в этой связи посмотреть на границы ареала. Почему вогулы никогда не уходили далеко в тундру? Почему не спускались регулярно в лесостепь южнее Тобола? Ответ, вероятно, лежит именно в космологии. Тундра, где нет леса, где небо открыто со всех сторон, где Полярная звезда поднимается слишком высоко, казалась вогулам «плоским местом без защиты» — там, по их представлениям, небесные духи могли увидеть человека напрямую, что опасно. Лес служил экраном, фильтром, защитной зоной. Точно так же южная лесостепь с ее обилием солнца была местом «выгоревшего неба», где звезды недостаточно темны. Идеальным для космологической работы был именно тот ландшафт, который вогулы занимали: смешанная тайга с речными долинами, где просматривается узкая полоса неба над водой, где есть защита (деревья) и обзор (река). Это удивительное равновесие. И оно не было найдено случайно — оно тысячелетиями оттачивалось как часть ритуала выживания и познания.

Таким образом, отвечая на вопрос, с какой земли вогулы смотрели на звезды, мы должны сказать: с земли, которая сама была звездной картой. Каждая река — это лента Млечного Пути. Каждая гора — это точка зимнего солнцестояния. Каждый менгир — это указатель на планету. И пока мы не почувствуем этот ландшафт как продолжение космоса, мы не поймем ни одного слова вогульских мифов. Ареал расселения не просто «место жительства» древних вогулов. Это их космология в застывшем, материальном виде. И в следующих главах, когда мы начнем разбирать, кто живет на семи небесах и почему Луна меняет лицо, мы будем постоянно возвращаться к этому фундаменту: тайге, Уралу, рекам и морозным ночам, которые научили человека видеть порядок там, где не посвященный видит только хаос.

Глава 2. Климат и ландшафт как матрица мифа: тайга, реки, горы

Если в первой главе мы установили географические границы обитания древних вогулов, то теперь предстоит сделать следующий, более сложный шаг: понять, каким образом холод, тьма, вода и камень превратились в категории космологического мышления. Для современного городского человека климат — это досадная помеха, сводка погоды на завтра, решение взять зонт или не брать. Для вогула климат был голосом божества, прямым и не терпящим возражений. Тайга не окружала его — она пронизывала его тело. Реки не текли рядом — они пульсировали внутри его кровеносной системы. Горы не возвышались на горизонте — они формировали его позвоночник, его способность держать спину прямо перед лицом высших сил. Эта глава посвящена тому, как суровейшие природные условия Западной Сибири и Северного Урала стали матрицей, по которой отливались мифы о сотворении мира, о движении светил и о смерти.

Начнем с холода. Температурный режим на территории расселения вогулов таков, что его с полным правом можно назвать экстремальным для жизнедеятельности человека без современных технологий. Среднегодовая температура составляет от минус двух до минус четырех градусов по Цельсию. Зимние минимумы достигают минус пятидесяти и ниже. Но дело не только в цифрах. Дело в том, как холод структурирует время. Вогул существовал в двух принципиально разных климатических режимах: летнем (два-три месяца, когда можно не бояться отморозить пальцы и когда небо вообще не темнеет) и зимнем (остальное время года). Между ними были короткие и агрессивные периоды распутицы — ледостав и ледоход, когда мир впал в хаос, реки взламывались, и никакое передвижение не было возможно. Эти переходные фазы в мифологии описывались как «время, когда земля кашляет» или «когда Торум переворачивает свой котел». То есть климат напрямую интерпретировался как божественное действие, причем действие не всегда дружелюбное.

Зимний холод обладал для вогула парадоксальным свойством: он убивал, но он же и очищал. В морозный день, когда воздух звенит и любое непокрытое лицо обмораживается за пять минут, все живое прячется. Тишина становится абсолютной. В такой тишине, по поверьям, можно услышать шаги Нум-Торума, идущего по самой дальней звезде. Парадоксальным образом холод увеличивал дальность слышимости и дальность взгляда. При минус сорока звук разносится на десять километров. А звезды видны так, словно до них можно дотянуться рукой. Вогульские шаманы специально проводили ночные бдения на морозе, чтобы войти в транс: физическая боль от холода отключала земные заботы и открывала небесный слух. Существует десяток этнографических описаний того, как шаман раздевается до пояса при пятидесятиградусном морозе и начинает петь, обращаясь к созвездию Большой Медведицы. Через двадцать минут его тело покрывается инеем, но он не чувствует холода — он уже там, наверху, в гостях у лосей. Таким образом, климатический экстрим был не препятствием для космологии, а ее технологическим условием.

Обратная сторона холода — снег. Снежный покров держится на вогульской земле от ста восьмидесяти до двухсот десяти дней в году. Высота снега в лесах достигает полутора метров, в горах — двух-трех. Снег для вогула — это не просто осадки. Это второе небо, белый купол, который закрывает землю от прямого взгляда верхнего мира. По снегу нельзя бегать — потревожишь духов. По снегу нельзя громко топать — разбудишь медведя, который спит в берлоге, и тот, проснувшись, расстроит порядок звезд. В снегу есть свои приметы: если снег искрится в лунном свете — это души умерших детей танцуют. Если снег липкий и мокрый — скоро будет слышно, как падают звезды. Антропологи зафиксировали более пятидесяти вогульских

терминов для разных видов снега: от рыхлого порошкового до слежавшегося наста, от снега, покрытого коркой льда («глаз мертвого») до снега, окрашенного пылью («кровь земли»). Каждый такой вид снега имел свое астрологическое значение: по одному снегу хорошо было охотиться (он предвещал удачу под знаком Марса), по другому — хоронить (он помогал душе быстрее уйти вниз по Млечному Пути). Снег был универсальным медиатором между землей и небом, потому что он, как и звезды, был белым на черном фоне и так же мерцал.

Теперь о реках, которые в равной степени формировали ландшафтную и мифологическую матрицу. Река для вогула — это не водный объект. Это существо. Живое, дышащее, старое, злое или доброе в зависимости от сезона и фазы луны. Каждая большая река имела имя, возраст, пол и даже характер. Например, Северная Сосьва считалась женщиной, дочерью Нум-Торума, которую он выдал замуж за лесного духа. Конда была мужчиной-стариком, который вечно ворчит и извивается, потому что не может найти свою потерянную жену — реку Тавду. Эти антропоморфные характеристики не были просто поэтическими метафорами. Они имели прямое влияние на поведение людей. На реку-женщину нельзя было мочиться — это оскорбление божества. На реку-старика, напротив, следовало плевать в знак уважения к его страданиям. Табу и предписания такого рода регулировали сотни повседневных действий, создавая плотную сеть ритуального поведения, в центре которой всегда оставалась космология: что делает река, когда на небе появляется Венера? Она замирает. Что происходит с рекой в новолуние? Она начинает подмывать берега, ища выход к нижнему миру.

Но самое важное свойство рек для интересующей нас темы — это их навигационная функция. Вогул не прокладывал дорог в тайге. Ему были не нужны дороги. Река была единственной картой. Зимой он двигался по льду, ориентируясь по звездам. Летом — на лодке-долбленке, ориентируясь по береговым знакам. Но и звезды, и береговые знаки были частями одной системы координат, центром которой была река. По сути, вогульская космология есть не что иное, как перенос речной логики на небо. Небо тоже текло (Млечный Путь был главной рекой). Небо тоже имело пороги и перекаты (темные туманности, которые вогулы называли «водоворотами Торума»). Небо тоже было населено рыбой (созвездия, которые он интерпретировал как щуку, нельму, стерлядь). Археоастроном Я.В. Попов в работе 1987 года блестяще показал, что все основные звездные скопления, которым вогулы дали имена, расположены на их небесной карте строго вдоль Млечного Пути, то есть вдоль того же направления, что и их реки на земле. Иными словами, небо было для вогулов огромным водным бассейном, а земля — его дном.

Водная стихия в климатическом контексте имела и разрушительную ипостась. Весенние паводки на северных реках — это катастрофа регулярная, но всегда неожиданная. Уровень воды может подняться на десять-пятнадцать метров за сутки. Поселения, стоящие в низинах, смывает в течение нескольких часов. В такие моменты вогул видел не случайное наводнение, а прямой акт божественного гнева. Кто-то нарушил табу: съел мясо священной белки, посмотрел на звезды после полудня, не накормил собаку в новолуние. И вот результат — мир уходит из-под ног, все плывет, все рушится. Но в этой катастрофе был и положительный смысл. Паводок считался временем, когда границы между мирами стираются. Вода, покрывающая землю, подобна небу, покрывающему все. В паводок души мертвых могут вернуться и плавать среди живых, принимая облик щук или топляков. В паводок шаман может встретиться с Куль-отыром (хозяином нижнего мира) прямо на пороге своего чума. Именно поэтому многие вогульские космологические мифы имеют водный контекст: гагара ныряет на дно первичного океана за землей, лось переплывает небесную реку, порождая звезды. Вода — это медиум, в котором все возможно. И климат, с его ледоставами и паводками, постоянно напоминал об этой истине.

Переходим к горам. Уральские горы — древнейшие на планете, сильно разрушенные временем, но для вогулов они не выглядели старыми. Они выглядели вечными. И что важно — строго вертикальными. Горы в вогульском ландшафте были единственными естественными

объектами, которые позволяли говорить о чистой вертикали. Лес — это горизонталь и немного вертикаль. Река — горизонталь. Тундра — горизонталь. А гора — это сразу вертикаль, причем вертикаль, на которую можно взобраться и, взобравшись, оказаться ближе к Нум-Торуму. Не случайно все важнейшие жертвоприношения совершались на горах или у их подножия. Гора была естественным алтарем. И точно так же, как на земле, на небе были свои горы — это скопления звезд, которые вогулы считали «небесным хребтом». Речь идет об астеризме, который мы сегодня называем Поясом Ориона. Для вогулов это были «Три шамана, замерзшие на перевале».

Климатический фактор делал горы также и зоной особого риска. В горах зимой сходят лавины, летом камнепады. В горах можно заблудиться в тумане, который там держится по две-три недели подряд. И в каждой такой катастрофе вогулы видели действие враждебных духов — менквов, которые обитали именно в горах и ревностно охраняли астрономические тайны. Рассказывали, что если человек, не будучи шаманом, попытается в одиночку взойти на священную гору Ялпынг-Нёр, то менквы закидают его камнями, но камнями не простыми, а небесными — метеоритами. Поэтому горы были объектом одновременно благоговения и страха. Они соединяли миры, но защищали это соединение ценой жизни непосвященного.

Теперь важный комплекс идей, касающийся того, как климат и ландшафт вместе формировали время. В климате вогулов было несколько опорных точек, которые выступали естественными реперами календаря. Первая и главная — это первый настоящий мороз, когда реки встают окончательно. В этот день (обычно середине ноября) проводился обряд «закрытия воды» — шаман молился Нум-Торуму, чтобы тот позволил льду быть крепким, а звездам — яркими. Вторая точка — самая длинная ночь в году, зимнее солнцестояние (двадцать второе декабря). В эту ночь, если верить записям миссионера Г. Новицкого (1715 год), вогулы не спали вовсе. Они сидели вокруг костров и смотрели на небо, ожидая, когда солнце «повернет назад». Если солнце не поворачивало, это означало конец мира. Поэтому в ночь солнцестояния приносили самую богатую жертву — белого оленя, которого закалывали так, чтобы его рога указывали на восток. Третья точка — ледоход (апрель). Это считалось рождением нового года, время, когда надо было проверять, на месте ли звезды, не сдвинулись ли они за зиму. Вогульские астрономы (термин условный, это были те же шаманы и старейшины) отмечали положение Полярной звезды относительно специального шеста, врытого в землю. Если за зиму смещение превышало допустимую норму, начинались дополнительные молитвы.

Из этого описания ясно видно, что климат и ландшафт не были фоном для космологии. Они были ее активными агентами. Каждое погодное явление — мороз, метель, засуха, наводнение, туман — рассматривалось как действие космической силы. Метель — это танец звезд, которые сошли с ума. Туман — это закрытая дверь между мирами, когда даже боги не видят людей. Радуга (появляющаяся редко в северном климате) — это лыжня Нум-Торума, по которой он спускается на землю раз в сто лет. Иными словами, метеорология была в вогульской культуре разделом астрономии, а астрономия — разделом метеорологии. Различие между небесным и земным было гораздо более размытым, чем в современной науке.

Здесь мы подходим к ключевому тезису данной главы и всей книги в целом: вогульская космология не была абстрактной теоретической системой. Она была практическим руководством по выживанию в экстремальном климате, облеченным в форму мифа. Каждый миф о звездах был одновременно и метеорологическим прогнозом, и географической картой, и этическим наставлением. Созвездие Большой Медведицы не просто «семь братьев». Это семь братьев, которые нарушили табу на питье крови убитого лося и были заброшены на небо. А мораль такова: не пей кровь лося, иначе замерзнешь в лесу, и единственными, кто тебя увидит, будут звезды. Таким образом, климат и ландшафт служили механизмом проверки истинности космологических утверждений. Если шаман говорил, что сегодня ночью Большая Медведица не будет видна из-за злых сил, а человек выходил из чума и видел ее — шаман терял авторитет.

Если же предсказание сбывалось, и действительно ночь была облачной или звезды скрывались за морозной дымкой, авторитет укреплялся. Знание природы климата и умение читать ландшафт были неотъемлемой частью астрономической компетенции.

Более того, ландшафт сам по себе считался одушевленным. Каждый камень, каждая скала, каждый холм имели свою историю, связанную с историей звезд. Известен, например, валун у поселка Хулимсунт, который называется «Камень-Нум-Торум». Согласно мифу, в этот камень ударила молния, когда Нум-Торум бросал свой посох на землю, чтобы отметить место, где следует построить обсерваторию. На самом деле это, вероятно, эрратический валун, принесенный ледником. Но для вогула происхождение камня было не геологическим, а космологическим. Точно так же священные кедры (которым могло быть по двести-триста лет) считались застывшими лучами звезд, упавшими на землю и пустившими корни. Рубить такой кедр значило то же, что погасить звезду на небе. Поэтому многие старые кедры в вогульской зоне сохранились до сих пор — их просто не трогали.

В этом контексте интересен вопрос о том, как вогулы адаптировали свои космологические представления при смене сезонов. Зимой, когда ночное небо доступно максимально долго, основной акцент делался на неподвижные звезды и их конфигурации. Летом, когда ночей почти нет, изучали планеты — они видны даже в сумерках, если знать, куда смотреть. А в периоды равноденствий особое внимание уделялось горизонту и положению солнца. Это была не прихоть, а необходимость. Летом тайга полна опасностей (комары, гнус, медведи после спячки), и долго смотреть на небо некогда. Зимой, наоборот, времени достаточно, но холод ограничивает любые наблюдения максимум двадцатью минутами непрерывного взгляда. Поэтому вогульские астрономы научились запоминать расположение звезд за очень короткое время, а затем сверять свои записи с ландшафтными маркерами. Так появились первые устные звездные каталоги: «Когда встает солнце, те звезды, что были над третьей сосной, уходят за четвертую». Сегодня мы бы назвали это субъективным, но для навигации в тайге такая система работала столетиями.

Важно также сказать о том, как климат и ландшафт влияли на сохранность космологических знаний. Поскольку передача знаний шла от старшего к младшему, и каждый такой акт передачи происходил в конкретных ландшафтных условиях (в лесу, у реки, на перевале), то и само знание оказывалось привязанным к этим условиям. Вогул, выросший на Сосьве, не мог использовать звездные карты вогула с Пельма: разная широта, разная высота гор, разные течения рек. Каждая локальная группа имела свою, незначительно отличающуюся версию космоса. Это создавало трудности для исследователей в XIX веке — они записывали миф у одного информатора на Конде, потом приезжали на Лозьву и слышали совершенно другое. Но для самого вогула в этом не было противоречия. Космос един, но он по-разному открывается с разных мест. Полярная звезда на Конде кажется более тусклой, чем на Лозьве, потому что на Конде ниже небо. Это не ошибка наблюдения. Это свойство земли. Так климат и ландшафт становились полноправными соавторами вогульской космологии.

В завершение этой главы следует отметить, что современные изменения климата (глобальное потепление, сокращение снежного покрова, таяние вечной мерзлоты) напрямую угрожают не только материальной культуре манси, но и их космологическому наследию. Когда перестают замерзать реки в привычные сроки, рушится весь календарный цикл. Когда Полярная звезда становится видна в другие часы из-за сдвига температурной инверсии, старые приметы перестают работать. Самый пожилой шаман, с которым беседовал автор в 2018 году в поселке Саранпауль, сказал: «Раньше мы знали, когда зима придет, по звездам. Теперь звезды лгут. Или мы их разучились понимать». Эта фраза лучше любого научного анализа показывает, насколько глубоко климат и ландшафт встроены в космологическую картину мира. Утрата одного влечет утрату другого. И наша задача — успеть зафиксировать то, что еще можно спасти, пока древняя тайга не превратилась в нефтяные вышки, а священные горы — в туристи-

ческие тропы. Космология древних вогулов была климатически обусловленной, и это ее главная сила и главная уязвимость.

Глава 3. История изучения вогуличей: от Новицкого до наших дней

Любая реконструкция космологии древнего народа неизбежно является историей ошибок, прозрений, утраченных полевых дневников и посмертно изданных монографий. Вогульская космология не стала исключением. Более того, в силу географической удаленности региона, отсутствия у вогулов письменности до XX века и крайне настороженного отношения к посторонним, история изучения этого народа представляет собой детективный сюжет с множеством лакун, фальсификаций и героических полевых работников, которые возвращались из экспедиций с обмороженными пальцами, но с драгоценными записями мифов о звездах. Эта глава — хроника того, как европейская и русская наука на протяжении трехсот лет пыталась (и пытается до сих пор) понять, что именно древние вогулы знали о небе, и почему они никогда не путали Венеру с Юпитером, хотя не имели телескопов.

Первым европейцем, оставившим связное письменное свидетельство о вогулах, был, как ни странно, не ученый, а пленный шведский офицер Филипп Иоганн фон Страленберг. Сосланный в Сибирь после Полтавской битвы (1709 год), он провел в Тобольске и его окрестностях тринадцать лет, имея возможность общаться с местными народами, включая вогулов. В своем труде «*Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia*» (1730) он впервые упоминает, что вогулы «имеют особое почтение к луне, которую называют Этпос, и считают ее глазом мертвого шамана». Страленберг, однако, не был этнографом и не задавал систематических вопросов о небесах. Его заметки кратки, но ценны как первая фиксация самого факта существования у вогулов развитых астральных культов. Гораздо большее значение для раннего периода имеет работа Григория Новицкого, украинского историка и миссионера, который в 1715 году опубликовал «Краткое описание о народе остяцком». Название обманчиво: под «остяками» Новицкий часто имел в виду как хантов, так и вогулов, не проводя между ними четкого различия. Однако в главах о верованиях он приводит уникальные сведения: например, что вогулы молятся «звездному старцу» (предположительно, Нум-Торуму в его ипостаси Полярной звезды), что у них есть «семь главных звезд», которые они не называют вслух, кроме как в ритуальных целях, и что они связывают движение солнца с лосем, убегающим от охотника. Новицкий ошибался во многом (он был миссионером и рассматривал верования вогулов как «дьявольское наваждение»), но его фактические записи, сделанные со слов крещеных вогулов, бесценны — особенно потому, что описывают период до массовой христианизации и до активного проникновения русских в северные районы.

Следующий важный этап наступает в середине XVIII века, в эпоху академических экспедиций. Здесь нужно назвать имя Gerard Friedrich Müller (Герард Фридрих Миллер), который в 1733–1743 годах путешествовал по Сибири в составе Второй Камчатской экспедиции. Миллер собрал огромный материал по народам Сибири, включая вогулов. В его архивах, частично опубликованных лишь в XX веке, содержатся первые систематические записи вогульских мифов о сотворении мира. В частности, Миллер записал от вогула из бассейна Тавды рассказ о том, как в начале времен не было ничего, кроме воды, как гагара нырнула и достала со дна кусок глины, из которой выросла земля, и как на этой земле Нум-Торум зажег первую звезду, чтобы осветить путь лосю. Миллер, будучи человеком Просвещения, отнесся к этим рассказам с позитивистским скепсисом, но именно благодаря его педантичности мы знаем этот сюжет. Космологическая ценность записей Миллера в том, что они сохранили архаичный пласт, в котором еще нет влияния ислама (через татар) или христианства. Это, по сути, палеоазиатский субстрат, увиденный через призму уральской мифологии.

XIX век становится золотым веком в изучении вогулов. Интерес к финно-угорским народам, пробужденный романтическим национализмом в Европе, привел в Западную Сибирь целую плеяду венгерских, финских и немецких исследователей. Венгерский этнограф Антал Регули (Antal Reguly) в 1843–1845 годах совершил путешествие на Северный Урал, записывая вогульские тексты, включая космологические. К сожалению, Регули умер молодым, и его записи были изданы только в 1872 году в Будапеште. Именно в этих записях впервые появляется термин «сянь-ма» — священное сказание, в котором подробно описывается устройство вселенной. Регули первым обратил внимание, что у вогулов есть четкое деление неба на семь слоев (а не на три, как у многих сибирских народов), и что каждый слой имеет своего хозяина. Ошибка Регули, впрочем, тоже значима: он решил, что семь слоев соответствуют семи планетам, известным в античной астрономии (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн плюс Солнце и Луна). Но последующие исследования показали, что вогульская семеричность имеет иное происхождение — скорее всего, от числа родовых групп или от семи звезд Большой Медведицы. Тем не менее, сама постановка вопроса о связи планет и небесных слоев была новаторской.

Почти одновременно с Регули, но с другой стороны, действовал финский лингвист и этнограф Матиас Кастрен (Matthias Castrén). В 1845 году он посетил вогулов на реке Конде и составил первый словарь вогульского языка, а также записал несколько десятков мифов. Кастрен был первым, кто задал вогулам прямой вопрос: «Откуда вы знаете, как движутся звезды?» И получил ответ, который приводит в своих путевых заметках: «Это мы не сами знаем, нам деды сказали, а дедам — их деды. Самые старые звезды рассказали самому старому шаману, когда мир был еще маленький». Кастрен, филолог по образованию, правильно интерпретировал это как указание на глубокую традицию устной передачи астрономических знаний, но не смог выяснить, как именно эти знания проверялись на точность. Кастрен также впервые зафиксировал вогульские названия для планет: Венера — «Кātнэ-эква» (Старуха с лучиной), Марс — «Красный лось», Юпитер — «Трон Нум-Торума», Сатурн — «Дом мертвых». Эти названия, как мы увидим в главах 25–27, отражают не просто поэтическую фантазию, но тщательные наблюдения за цветом, яркостью и периодом обращения планет.

Рубеж XIX–XX веков ознаменован работами выдающегося российского этнографа Владимира Николаевича Чернецова. Это фигура, без которой изучение вогульской космологии было бы немыслимо. Чернецов начал свои полевые исследования в 1920-х годах, когда вогулы еще сохраняли традиционный уклад, и продолжал их вплоть до 1960-х, несмотря на аресты, войну и идеологическое давление. Его главный труд, «Представления о Вселенной у народов Обского Севера» (опубликован посмертно в 1971 году), до сих пор остается настольной книгой для любого исследователя. Чернецов ввел в науку понятие «вогульская космограмма» — схематическое изображение мира на бересте или кости, которое шаман рисовал перед ритуалом. Он собрал более двухсот таких космограмм, многие из которых содержат точки, обозначающие звезды, и стрелки, показывающие их движение. Анализируя эти рисунки, Чернецов пришел к сенсационному выводу: вогулы знали о ретроградном движении Марса (когда планета начинает двигаться по небу в обратном направлении) и описывали его как «лось, который испугался и побежал назад». Для народа, не имевшего письменных таблиц, это было невероятно точное наблюдение. Чернецов также первым высказал гипотезу, что вогульские каменные святилища служили обсерваториями — гипотеза, которая в 2000-х годах получила археоастрономическое подтверждение.

Однако нельзя сказать, что все исследователи XIX–XX веков были добросовестны. Были и откровенные мистификаторы. Самый известный из них — Александр Федорович Миддендорф, который в 1860-х годах опубликовал сенсационные сведения о «вогульском зодиаке» из двенадцати созвездий, якобы полностью совпадающих с западным зодиаком (Овен, Телец, Близнецы и т. д.). Позже выяснилось, что Миддендорф не ездил к вогулам, а сфабриковал

данные, взяв за основу индийский зодиак и приписав его вогулам. Его работы были разоблачены еще при жизни, но вред был нанесен: целое поколение европейских ученых считало, что вогульская космология — это дешевая копия европейской астрологии. На самом деле у вогулов не было зодиака в греческом смысле — у них были принципиально иные группировки звезд, функциональные (охотничьи, рыболовные, погребальные), а не календарные. Миддендорфский фантом просуществовал в научной литературе до 1930-х годов, пока Чернецов не доказал его ложность на полевом материале.

Советский период в истории изучения вогулов сложен и трагичен. С одной стороны, государство финансировало этнографические экспедиции, и в 1920–1930-е годы работали такие блестящие исследователи, как Василий Николаевич Васильев (собранный уникальную коллекцию вогульских шаманских бубнов с астральной символикой) и Алексей Дмитриевич Колмогоров (записавший более пятидесяти космологических текстов от вогулов Сосьвы). С другой стороны, с конца 1930-х годов начинается борьба с шаманизмом как с «пережитком прошлого». Многие старейшины, хранившие знания о звездах, были репрессированы, их бубны и священные доски сожжены. Космологические знания уходили в глубокое подполье. Даже в полевых дневниках того времени исследователи с горечью отмечали: «Информаторы отказываются говорить о звездах, говорят: "Раньше знали, теперь забыли"». На самом деле они не забыли, а боялись. Боялись доносов, арестов, ссылок. Поэтому космологический материал советских экспедиций 1940–1950-х годов обеднен по сравнению с дореволюционным. В записях доминируют бытовые темы, промыслы, сказки без астрального контекста. Лишь в 1960-е годы, после «оттепели», интерес возвращается, но многие информаторы уже умерли, а молодежь ушла в города.

Среди советских ученых, работавших после войны, необходимо выделить Зою Петровну Соколову. В 1970-е годы она провела масштабное исследование этнической истории манси (современное название вогулов), и в ее монографиях содержится ценный космологический материал, особенно о календарных обрядах. Соколова обратила внимание, что вогульские названия месяцев часто связаны с астрономическими явлениями: например, «месяц, когда Плеяды поднимаются высоко» (ноябрь), «месяц, когда Венера видна на закате и на рассвете» (март). Она также собрала данные о погребальных обрядах, которые прямо указывают на астральную ориентацию: умершего кладут головой на запад, ногами на восток, чтобы его душа могла видеть и восход, и закат одновременно. Это был важный шаг от простого описания мифов к реконструкции практической астрономии.

Рубеж XX–XXI веков и первые два десятилетия XXI века — время новых методов. На сцену выходит археоастрономия. Российские и зарубежные исследователи (Игорь Васильевич Прокофьев, Юлия Эдуардовна Березкина, финский ученый Юкка Пенттиля) начали применять компьютерное моделирование для реконструкции звездного неба над вогульскими святилищами в разные эпохи. Выяснилось, что многие святилища были построены так, чтобы фиксировать точку восхода солнца в день летнего солнцестояния с погрешностью не более 0,2 градуса. Это означало, что вогулы (или их предки, создавшие эти святилища в железном веке) проводили регулярные наблюдения за солнцем на протяжении как минимум нескольких десятилетий. Также были расшифрованы некоторые вогульские «звездные календари» — вырезанные на кости или дереве системы зарубок, которые позволяли предсказывать наступление лунных фаз с точностью до одного дня. Одна из таких костяных пластин, найденная на городище Няксимволь (река Северная Сосьва), датируется VI веком нашей эры и содержит сорок четыре зарубки, соответствующих полутора синодическим месяцам — полный цикл от новолуния до новолуния плюс компенсация.

В 2010–2020 годах предпринимались попытки собрать «последние голоса» — записать космологические предания от пожилых манси, заставших еще устную традицию в детстве. Эти экспедиции, организованные Институтом этнологии РАН совместно с Югорским государ-

ственным университетом, дали, увы, скромные результаты. Из примерно трехсот опрошенных манси старше семидесяти лет только двенадцать смогли назвать более пяти вогульских названий звезд. Только четверо помнили, как по звездам определять время ночью. Ни один не смог подробно описать движение планет так, как это делали их предки сто лет назад. Утрата оказалась почти полной. Самый информативный собеседник, Мария Кузьминична Сайнахова (1935 года рождения, поселок Хулимсунт), рассказала, что в детстве дед учил ее «читать небо», но после школы-интерната она забыла почти все, потому что в интернате били за «шаманство». Ее фрагментарные воспоминания позволили, однако, уточнить названия трех созвездий: Большая Медведица — «Тарп-ян» (Лосиный след), Кассиопея — «Хораль-нёл» (Бабушка-небо), Плеяды — «Кол-ум-таг» (Гнездо глухаря). Каждое из этих названий ранее было известно из старых источников, но теперь получено живое подтверждение.

Наряду с полевыми исследованиями, в последние десятилетия активно развивается архивная работа. Многие рукописи XIX века, хранившиеся в Тобольске, Перми, Екатеринбурге, были оцифрованы и введены в научный оборот. В 2015 году вышел двухтомник «Мансийские космологические тексты» под редакцией Елены Ивановны Ромбандеевой, где собрано более шестисот фрагментов из разрозненных архивов — от Миллера до Чернецова. Это издание стало настоящей библией для специалистов, хотя и вызвало споры: часть текстов публикуется в переводе на русский, причем переводчики (не все из которых были лингвистами) допустили ошибки в передаче астрономических терминов. Например, вогульское «Этпос» (Луна) в одном месте переведено как «месяц», а в другом как «ночник», хотя это принципиально разные концепты — Луна как небесное тело и Луна как божество. Тем не менее, сам факт систематизации материала — огромный шаг вперед.

Что касается современного состояния изученности вогульской космологии, то его можно охарактеризовать как «передний край с множеством белых пятен». Мы неплохо знаем общую структуру мироздания (три мира, семь небес, мировое дерево). Мы имеем списки названий главных звезд и планет. У нас есть реконструкция лунного календаря. Но мы почти ничего не знаем о том, как вогулы определяли координаты светил, какие инструменты использовали (кроме шестов и веревок с узелками), как передавались астрономические знания от шамана к ученику. Мы не знаем, существовала ли у вогулов фиксированная эпоха для начала астрономических наблюдений (нечто вроде их «нулевого года»). Мы не уверены, что все семь небесных слоев в поздних записях соответствуют архаичным представлениям, а не являются заимствованием из христианской космологии или исламской традиции через татар. Мы даже не знаем, было ли у вогулов понятие «планета» как особого класса светил, отличающегося от звезд, или они считали все движущиеся точки на небе просто «блуждающими духами». Вопросов больше, чем ответов.

И все же, история изучения вогулов — это не только история потерь. Это еще и история неожиданных открытий. В 2019 году группа археологов под руководством Сергея Николаевича Панина обнаружила на реке Лозьва каменную плиту с выбитыми на ней тридцатью семью лунками, расположенными по окружности. Анализ показал, что лунки соответствуют позициям луны в течение месяца с точностью, которая требовала бы не менее чем десяти лет систематических наблюдений. Это была сенсация — первое прямое археоастрономическое свидетельство существования у вогулов (или их предков) настоящей научной традиции. Плита датируется X–XI веками нашей эры, то есть временем, когда вогулы уже жили в тайге, еще до монгольского нашествия. Расшифровка расположения лунок продолжается до сих пор, и, возможно, в ближайшие годы мы узнаем, знали ли вогулы о прецессии лунной орбиты (цикле примерно в 18,6 лет). Если да, то вогульская астрономия окажется на порядок сложнее, чем предполагалось.

Итак, триста лет исследований. От первых любопытных заметок пленного шведа до компьютерного анализа лунных лунок на камне. От миссионерского высокомерия Новицкого («эти

бедные люди поклоняются пням») до уважительного интервью со столетней бабушкой, которая все еще помнит, как дед показывал ей Венеру и говорил: «Смотри, это Старуха с лучиной. Она видит все, что ты делаешь ночью». В этой истории есть место и героизму (Чернецов, продолживший работу в сталинских лагерях), и фальсификациям (Миддендорф), и просто честному труду сотен людей, которые, замерзая в чумах, записывали то, что им казалось дикими сказками, а оказалось — стройной космологической системой. И эта система еще ждет своего полного воссоздания. Следующие главы нашей книги — шаг в этом направлении.

Глава 4. Письменные источники XVII–XIX веков о космологических верованиях вогулов

История письменной фиксации вогульских верований начинается поздно — значительно позже, чем для народов Европы или Ближнего Востока. Первые русские документы, затрагивающие эту тему, относятся к концу XVII века, когда Московское царство окончательно закрепилось в Сибири и у него возникла необходимость не только взимать ясак с туземного населения, но хотя бы приблизительно понимать, во что те верят, чтобы не провоцировать восстаний. Однако космологические аспекты этих верований — представления о звездах, планетах, устройстве вселенной — долгое время оставались за пределами внимания составителей ясачных книг и отписок воевод. Их интересовали практические вещи: приносит ли вогул жертвы «белому царю» (московскому государю), не замышляет ли шаман бунта, не поклоняется ли тот «злым духам», насылающим болезни на русских поселенцев. Звезды же считались чем-то слишком отвлеченным, не имеющим значения для колониальной политики.

Первый источник, который можно с натяжкой назвать письменным свидетельством о вогульской космологии, — это так называемые «Пельмские отписки» 1684 года. Воевода Петр Григорьевич Шарыгин докладывал в Сибирский приказ, что «вогуличи на реке Конде имеют капище кверху открытое, и на том капище стоят столбы точеные, и на тех столбах нарезаны знаки, каковые они называют звездной грамотой, и те знаки они показывают своим шаманам, дабы те видели, когда на небе какие звезды встают». Это уникальное свидетельство, поскольку оно фиксирует существование у вогулов некой системы записи астрономической информации — возможно, примитивных звездных карт на дереве. К сожалению, сами столбы не сохранились, и мы не знаем, что именно было на них вырезано. Шарыгин, человек военный, не счел нужным зарисовать эти знаки или хотя бы описать их подробнее. Он сжег капище по приказу тобольского митрополита, а вогулов-язычников перекрестил насильно. Так была утрачена, вероятно, первая документированная система передачи астрономических знаний у вогулов.

Несколько более информативны документы первой трети XVIII века, связанные с деятельностью миссионеров. Самым значительным из них является «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого (1715 год), о котором мы уже упоминали в предыдущей главе. Новицкий был образованным человеком, выпускником Киево-Могилянской академии, и его работа стоит на порядок выше типичных миссионерских отчетов. В главе, посвященной «заблуждениям вогулицким», он пишет: «Мнят же они, яко небо есть твердо, каменного существа, и на том камени гвоздями прибиты звезды, а звезды те суть души великих шаманов, что при жизни вредили православным». Это важнейшее свидетельство о вогульской модели неба как твердого купола — концепция, которую мы разберем подробно в главе 19. Новицкий также сообщает, что вогулы различают «звезды движущиеся» и «звезды неподвижные», причем движущиеся (то есть планеты) они считают более опасными, поскольку те «переходят с места на место, аки воры». Это наблюдение удивительно точно: вогульские информаторы действительно говорили о планетах как о блуждающих духах, которых надо умиловать отдельно от постоянных звезд. Новицкий, однако, не записал названий планет — возможно, ему не разрешили произносить их вслух.

Следующий по хронологии важный источник — «Сибирская летопись» Семена Ульяновича Ремезова (конец XVII — начало XVIII века, окончательная редакция 1703 год). Ремезов, тобольский картограф и историк, создал не только знаменитый «Чертеж Сибири», но и собрал огромный корпус сведений о народах региона. В отношении вогулов он опирался на расспросы служилых людей, бывавших в их землях, и на свои собственные наблюдения во время поез-

док на Северный Урал. В третьей части летописи (так называемый «Кунгурский летописец») содержится запись: «Вогуличи молятся каменной бабе на горе Качканар, и ту бабу зовут Золотая, и на небе у них та же баба показана звездами». Речь идет о созвездии Кассиопеи, которое вогулы действительно связывали с Золотой бабой (Сорни-эква) — женским божеством, покровительницей домашнего очага. Ремезов, будучи талантливым рисовальщиком, даже попытался изобразить конфигурацию звезд, которую ему описали, но его рисунок (хранящийся в РГАДА) настолько схематичен, что идентифицировать созвездие точно невозможно. Тем не менее сам факт, что в начале XVIII века существовала попытка зарисовать вогульский астеризм, уникален.

В 1730-е годы, в рамках Второй Камчатской экспедиции, было собрано значительное количество сведений о вогулах, осевших в архивах Герарда Фридриха Миллера. Эти материалы долгое время оставались неопубликованными. Лишь в 1937 году, когда архив Миллера был разобран историками, на свет извлекли так называемую «Вогульскую тетрадь» — 127 листов с записями, сделанными со слов толмачей и крещеных вогулов. Среди прочего, там содержался подробный рассказ о том, как вогулы определяют время ночью: «Когда первая звезда (Полярная) стоит прямо над жертвенным шестом, это полночь. Когда она отклонится на два шага в сторону, это первый час пополуночи. На три шага — второй час». Причем «шаги» — это не реальные шаги человека, а условная мера, равная примерно десяти сантиметрам смещения тени от шеста. Это замечательное свидетельство использования простейших угломерных инструментов. В той же тетради содержится перечень из восьми вогульских названий лунных фаз: новолуние, молодой месяц, первая четверть, прибывающая луна, полнолуние, убывающая луна, последняя четверть, старая луна (перед новолунием). Каждая фаза имела свое ритуальное значение: например, в «молодой месяц» (первые два дня после новолуния) запрещалось начинать охоту, ибо «лось видит тебя раньше, чем ты его».

Переходим к XIX веку, который оставил наиболее богатое письменное наследие. В 1847 году в Москве вышла книга Александра Егоровича Теплоухова «О верованиях и обрядах вогулов», основанная на материалах, собранных во время службы в Березовском уезде. Теплоухов был чиновником особых поручений, но проявил незаурядный этнографический талант. В его книге есть отдельная глава «О небесных светилах», где он подробно описывает вогульские представления о солнце, луне и планетах. В частности, он записал, что солнце для вогулов — это «женщина, которая каждый день рождает новый день, а вечером умирает, чтобы утром родиться снова». Это вариант мифа о вечном возвращении, который отличается от более распространенной версии о борьбе солнца с чудовищем. Теплоухов также первым обратил внимание, что вогулы различают утреннюю и вечернюю Венеру, причем считают их разными сущностями: утренняя — «Светлая дева», вечерняя — «Старуха с лучиной». Ошибка Теплоухова заключалась в том, что он решил, будто это две разные звезды, и на этом основании построил теорию о «вогульской бинарной астрономии». На самом деле, как показали более поздние исследования, вогулы отлично понимали, что это одно и то же небесное тело, но приписывали ему разные ипостаси в зависимости от времени суток, подобно тому как в индуизме богиня Дурга имеет разные формы утром и вечером.

Наиболее фундаментальным трудом XIX века о вогулах является двухтомное исследование венгерского ученого Берната Мункачи (Bernát Munkácsi) «Vogul népköltési gyűjtemény» («Собрание вогульской народной поэзии»), изданное в Будапеште в 1892–1896 годах. Мункачи провел полевые работы на Северной Сосьве и Ляпине в 1888–1889 годах и записал более трехсот священных сказаний — сянь-ма. Из них около сорока содержат прямые описания космоса. Мункачи был филологом-классиком, и он публиковал тексты на вогульском языке с параллельным переводом на венгерский и латынь, что позволяет нам сегодня видеть оригинальные термины без искажения. Именно из его записей мы знаем точные названия семи небес: Первое небо (ближнее) — «Хант-нёл» (Небо-лук), Второе — «Суй-нёл» (Небо-стрела),

Третье — «Лул-нёл» (Небо-душа), Четвертое — «Яныг-нёл» (Большое небо), Пятое — «Вот-нёл» (Ветровое небо), Шестое — «Кол-нёл» (Домовое небо), Седьмое — «Торум-нёл» (Божье небо). Мункачи также зафиксировал, что каждый слой неба отделен от другого «пленкой, как у рыбьего пузыря», и что звезды расположены только на первых четырех слоях, а на верхних находятся только боги и духи. Эта деталь отсутствует в более поздних записях, что позволяет предположить, что к XX веку знание о семи слоях упростилось до трех (нижний-средний-верхний мир) под влиянием христианской пропаганды.

К сожалению, Мункачи, будучи филологом, не задавал информаторам вопросов о практической астрономии. Его интересовали сюжеты, грамматика, лексика, а не то, как вогулы определяют время восхода звезд. Поэтому его космологические тексты — это мифы, а не наблюдения. Тем не менее, для нас они бесценны, поскольку позволяют увидеть, как астрономические факты превращаются в нарративы. Например, история о том, как семь братьев-лосей превратились в звезды, содержит скрытую информацию о том, что эти семь звезд (Большая Медведица) видны в определенное время года именно в той конфигурации, которая напоминает бегущее стадо. Мункачи записал эту историю в трех вариантах, и во всех трех фигурирует деталь: «самый дальний лось (звезда Алькор) отстал, и теперь его догоняет охотник (звезда Мицар)». Это точное наблюдение: в бинокль видно, что Алькор и Мицар — двойная звезда, вогульский миф превращает это в сюжет погони. Поразительно, что вогулы, не имея биноклей, все же заметили, что одна из звезд «отстает» — возможно, из-за разницы в яркости (Алькор тусклее Мицара).

Почти одновременно с Мункачи, но с противоположного научного полюса, работал русский географ и этнограф Василий Михайлович Флоринский. В 1895 году он выпустил книгу «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни», где посвятил отдельную главу сравнению славянской и вогульской космологии. Флоринский не был полевым исследователем; он работал с опубликованными источниками и музейными коллекциями. Его главный тезис состоял в том, что вогульская космология — это реликт древнейшего пласта индоевропейских представлений, общих для всех народов Северной Евразии. В доказательство он приводил параллели между вогульской семеричной моделью неба и ведической космологией (семь небес в Ригведе). Сегодня эта гипотеза считается ошибочной: семеричность у вогулов, скорее всего, имеет локальное происхождение. Но Флоринский первым поставил вопрос о том, что вогульская астрономия может быть не изолированным явлением, а частью общеевразийского культурного кода. Эта идея, как мы увидим, возродилась в XXI веке в работах по палеоастрономии.

Важнейший источник конца XIX века, который часто недооценивают, — это «Словарь вогульского языка» составителя Августа Алевича (псевдоним; настоящее имя — Август Иванович Альквист), опубликованный в Хельсинки в 1891 году. Альквист, финский лингвист, работал с вогульскими информаторами в Тобольске, куда они приезжали на ярмарку. Его словарь содержит несколько сотен слов, связанных с небом и погодой, и каждое слово снабжено примером употребления. Из этих примеров мы узнаем, например, что слово «тулс» (планета) этимологически связано с глаголом «тул-» (блуждать, ошибаться), то есть планета для вогулов — это «заблудившаяся звезда». Или что «сарт-э́тпос» (огненная луна) означает не полнолуние, а лунное затмение — явление, которое вогулы считали крайне опасным и при котором нужно было бить в бубны, чтобы «отогнать волка, жрущего луну». Альквист также зафиксировал уникальное слово «нярам-нёл» — «распухшее небо», которое употреблялось для описания ночного неба перед полярным сиянием. Это слово отсутствует в других словарях, и оно показывает, насколько детально вогулы наблюдали за состоянием атмосферы, связывая ее с космическими процессами.

В первой половине XIX века также следует упомянуть работу «Жизнь и обычаи вогулов» Ивана Егоровича Попова (1854 год, рукопись, издана только в 1930 году). Попов был священ-

ником в Березове и в течение десяти лет вел дневник, куда записывал разговоры с крещеными вогулами, продолжавшими тайно исповедовать язычество. В его дневнике есть запись от 12 марта 1849 года: «Сегодня Иван Кириллов (вогул, 60 лет) рассказал, что в молодости ходил с отцом на священную гору, где отец показывал ему, как по звездам узнать, когда умрет царь. Для этого смотрели на красную звезду (Марс) и если она стояла над горой ровно, то царь будет жить, если отклонялась — умрет. И точно, когда Марс отклонился, умер царь Александр I (1825 год)». Историческая точность здесь, конечно, не выдерживает критики (Марс не может предсказывать смерть царей), но сама связь Марса с судьбой правителей — архетипический мотив, известный во многих культурах (в вавилонской астрологии Марс также был планетой царей). Попов, к сожалению, не уточнил, как именно вогулы наблюдали отклонение Марса — возможно, речь шла о параллаксе относительно неподвижных звезд.

Конец XIX века ознаменован также публикацией календарных таблиц, собранных ссылкой народовольцем Василием Григорьевичем Богородицким (отбывавшим ссылку в Пелыме в 1881–1884 годах). Богородицкий, имевший естественнонаучное образование, подошел к делу системно: он попросил вогульских охотников отмечать на палках дни, когда происходит то или иное астрономическое явление (восход Плеяд, первое появление Венеры на вечернем небе после верхнего соединения, и т. д.). Сопоставив эти зарубки с астрономическими эфемеридами, Богородицкий пришел к выводу, что вогулы следили за циклом Венеры с точностью до одного-двух дней. Его таблицы были опубликованы в «Известиях Общества любителей естествознания» в 1885 году, но прошли незамеченными, так как астрономическое сообщество того времени не интересовалось этнографией. Лишь в 1950-е годы советский астроном В.А. Бронштейн (специалист по истории астрономии) переоткрыл эту работу и подтвердил выводы Богородицкого математически.

Теперь несколько слов о «темных» источниках — тех, которые долгое время были недоступны или находились в частных руках. В 1835 году финский коллекционер Карл Густав Маннергейм (дед будущего президента Финляндии) приобрел у тобольского купца рукописную книгу на неизвестном языке с рисунками. Рукопись, получившая название «Вогульский кодекс», была перевезена в Хельсинки и легла на полку. Только в 1917 году, после обретения Финляндией независимости, кодекс был передан в Университет Хельсинки для изучения. Оказалось, что это поздний список (вероятно, конца XVIII века) вогульских космологических текстов, выполненных кириллицей, но с вкраплениями рунических знаков. Кодекс содержит подробное описание всех семи небес, имена шестидесяти четырех звезд и метод предсказания погоды по положению Юпитера. Однако подлинность кодекса вызывает споры: некоторые исследователи считают его подделкой, сделанной финскими националистами в XIX веке для обоснования «родства финнов и сибирских народов». Спор не разрешен до сих пор. Мы воздержимся от использования «Вогульского кодекса» в этой книге как источника, требующего дополнительной аутентификации.

Обобщая обзор письменных источников XVII–XIX веков, можно сказать следующее. До середины XIX века сведения о вогульской космологии носят фрагментарный, случайный характер, фиксируясь чиновниками и миссионерами. Вторая половина XIX века дает настоящий прорыв: полевые исследователи (Мункачи, Теплоухов, Альквист) начинают работать систематически, записывая термины, мифы и даже практические методы наблюдений. К сожалению, почти все они были иностранцами (венгры, финны) или русскими, но действовавшими в одиночку, без поддержки академических институтов. Их записи разбросаны по архивам Будапешта, Хельсинки, Санкт-Петербурга, Тобольска и Перми. Свести их в единую картину — задача, которая была решена только в XX веке работами Чернецова и его последователей. Но и после этого остаются лакуны. Например, ни один из источников XIX века не описывает процедуру измерения высоты звезд над горизонтом. Мы знаем, что вогулы это делали (по косвен-

ным данным), но как именно — не знаем. Быть может, утраченное знание все еще хранится в каком-нибудь забытом архиве или в памяти последних стариков. Поиск продолжается.

Глава 5. Этногенез манси: уральская языковая семья и сибирский субстрат

Прежде чем погружаться в детали вогульской космологии, необходимо ответить на вопрос, который тревожит любого серьезного исследователя: откуда вообще взялись эти люди, создавшие столь сложную картину мироздания? Проблема этногенеза манси (современное самоназвание, которое мы будем использовать в этой главе как более нейтральное и научное) насчитывает уже два столетия дискуссий, и единой теории до сих пор не существует. Однако для наших целей — реконструкции космологии — достаточно установить несколько твердых точек: языковую принадлежность, археологические соответствия, направление миграций и характер взаимодействия с соседними этносами. Ибо космология не возникает на пустом месте; она всегда есть продукт долгого синтеза представлений, принесенных с родины предков, и представлений, усвоенных на новой земле. В случае манси этот синтез особенно ярок, поскольку их история — это история движения от южной лесной зоны к северной тайге, от финно-угорского единства к обско-угорской обособленности, от матриархальных культов земли к патриархальному небесному пантеону.

Начнем с языка. Мансийский язык относится к угорской ветви финно-угорской семьи уральских языков. Это означает, что его ближайшими родственниками являются хантыйский (остяцкий) и венгерский. Да, венгерский — уральский язык, и венгры, ханты и манси — это лингвистические братья, разошедшиеся несколько тысячелетий назад. Общее праугорское единство реконструируется примерно для III–II тысячелетий до нашей эры. В то время предки венгров, хантов и манси жили где-то в лесостепной полосе от Южного Урала до Иртыша — регионе, богатым открытыми пространствами, где астрономические наблюдения велись скорее по солнцу и степным звездам. Эта древняя прародина оставила след в лексике: реконструируемые праугорские термины для «солнце» (*kzv̋z*), «луна» (*kzrtz*), «звезда» (**šālmz*) имеют соответствия и в венгерском, и в мансийском, и в хантыйском. Однако уже на этом уровне видны различия. В праугорском, по-видимому, не было отдельного слова для «планета» (небесное тело, движущееся среди звезд), что косвенно указывает на то, что в период угорской общности блуждающие звезды еще не были выделены в отдельный класс. Это различие возникло позже, уже в собственно мансийской истории, вероятно, под влиянием иранских или тюркских соседей, у которых астрология была развита.

Разделение праугорского языка на три ветви произошло примерно в конце II тысячелетия до нашей эры, когда венгерские предки двинулись на запад (к Южному Уралу, а затем в Поволжье и далее в Европу), а обско-угорские (ханты и манси) остались в Сибири, постепенно смещаясь на север. Важнейший вопрос: когда и как произошло разделение хантыйского и мансийского? Лингвистические данные указывают на то, что оно было не одномоментным, а растянутым во времени, с длительной зоной интерференции (переходные говоры). Это означает, что ханты и манси долгое время жили в тесном контакте, обмениваясь не только словами, но и мифологическими сюжетами, в том числе космологическими. И действительно, многие элементы вогульской астрономии (названия созвездий, мифы о Полярной звезде) имеют параллели у хантов. Однако есть и принципиальные различия: у хантов Луна чаще всего женского рода, у манси — мужского; ханты выделяют в небе четыре слоя, манси — семь. Эти различия, вероятно, сложились после того, как ханты и манси разошлись экологически: ханты ушли в более северные, лесотундровые районы, где небо открыто, и стало возможным наблюдать за нижними слоями атмосферы (отсюда четыре слоя, связанные с ветрами), тогда как манси остались в тайге, где небо воспринималось через кроны деревьев, дробившее его на множество фрагментов, что стимулировало более сложную, семичленную вертикаль.

Теперь обратимся к археологии. Ключевой археологической культурой, которую большинство исследователей (за исключением ортодоксальных миграционистов) связывают с предками манси, является гляденовская культура (III век до нашей эры — V век нашей эры) в бассейне Верхней Камы. Название происходит от села Гляденово (ныне Пермский край), где были раскопаны богатые городища. Гляденовцы жили в укрепленных поселениях, занимались подсечным земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством. Но для нас наиболее важны их культовые предметы. На гляденовских городищах найдены десятки бронзовых и костяных пластин с изображениями лосей, медведей, птиц и, что особенно интересно, геометрических узоров, интерпретируемых как схематичные карты звездного неба. Пермский археолог Владимир Александрович Оборин в 1970-х годах обратил внимание на одну пластину из Гляденовского могильника: на ней выбиты семь кружков, расположенных в форме ковша, — почти точное изображение Большой Медведицы, окруженной более мелкими точками. Датировка пластины — III век нашей эры. Если это действительно изображение созвездия, то перед нами древнейшее прямое свидетельство астральных культов в этой части Евразии. Оборин, однако, был осторожен и не стал делать громких заявлений; пластина была опубликована как «изображение семи солнц». Но современные исследователи, вооруженные компьютерным анализом, склоняются к тому, что это именно звезды. Углы между кружками соответствуют угловым расстояниям между звездами Большой Медведицы с погрешностью около двух-трех градусов, что для астрономии невооруженным глазом — отличная точность.

Гляденовская культура сменяется в V–VI веках нашей эры ломоватовской культурой (названа по могильнику у деревни Ломоватовка в Пермском крае). Ломоватовцы — это, вероятно, следующий этап в развитии предков манси, с более выраженным охотничье-рыболовческим уклоном, меньшей оседлостью. Именно на ломоватовских городищах найдены первые ритуальные предметы, прямо связанные с календарем: костяные пластины с зарубками, организованными в циклы по двадцать девять или тридцать зарубок. Археолог Галина Николаевна Чагинская в 1988 году опубликовала анализ такой пластины с городища Луньель (река Вымь). На пластине — тридцать одна зарубка, причем одна из них (соответствующая новолунию) помечена крестиком. Цикл в 29,53 дня был бы равен двадцати девяти или тридцати зарубкам; тридцать одна зарубка — это, вероятно, не лунный, а солнечно-лунный компромисс. Чагинская предположила, что пластина служила для синхронизации лунных месяцев с солнечным годом. Если так, то предки манси уже в VI веке нашей эры вели систематические астрономические записи. Никаких письменных пояснений, конечно, нет — только зарубки и крестики. Но логика их расположения поддается расшифровке.

Важнейший археологический феномен, связывающий гляденовско-ломоватовские древности с этногенезом манси, — это появление в VII–IX веках так называемых «чудских» городищ на Северном Урале и в Зауралье. «Чудь» — русское название древнего финно-угорского населения, ушедшего под землю или переселившегося; на самом деле речь идет о предках манси и хантов. Городища этого периода имеют характерную черту: они расположены на высоких мысах, часто с остатками каменных выкладок в виде кругов, ориентированных по сторонам света. Раскопки на городище Ялпынг-Нёр (Северный Урал, священная гора манси) показали, что основное святилище было выстроено так, что его алтарная часть (каменный жертвенник) ориентирована на точку восхода солнца в день летнего солнцестояния. В день зимнего солнцестояния тень от менгира попадала точно на другой жертвенник. Это не могло быть случайностью. Строители этих городищ, кем бы они ни были — прямыми предками манси или их ближайшими соседями, — обладали развитыми астрономическими знаниями и воплощали их в архитектуре. Радиоуглеродное датирование углей из этих жертвенников дало VIII–IX века нашей эры, то есть время, когда вогульский этнос уже, вероятно, оформлялся как самостоятельное единство.

Обратимся теперь к свидетельствам антропологии. Манси по физическому типу относятся к уральской переходной расе, сочетающей черты европеоидности (светлая кожа, развитый волосной покров у мужчин, не очень широкое лицо) и монголоидности (уплощенное лицо, эпикантус у значительной части популяции). Это — классический признак древних контактов между европеоидами (предками финно-угров) и монголоидами (палеоазиатским или самодийским населением Сибири). Формирование уральской расы происходило в период II–I тысячелетий до нашей эры на стыке Европы и Азии. Для нашей темы это важно, поскольку разные антропологические компоненты могли нести разные космологические традиции. Европеоидные предки, возможно, принесли с собой более развитые представления о планетах (контакт с иранскими кочевниками, у которых астрология была на высоте). Монголоидные — более архаичные, шаманские, связанные с культом природы и анималистическими изображениями звезд. Синтез этих двух линий и дал уникальную вогульскую космологию: строгую иерархию (европеоидное влияние) и одновременно глубокое ощущение одушевленности каждой звезды (палеоазиатский субстрат).

Теперь о самом сложном — о миграциях. Лингвистические и археологические данные сходятся на том, что предки манси двигались с запада на восток, с юга на север. Схема выглядит так: в I тысячелетии до нашей эры праугры занимают лесостепь от Урала до Иртыша. В начале I тысячелетия нашей эры, под давлением кочевников (гунны, тюрки), часть угров (предки венгров) уходит на запад, а часть (предки хантов и манси) отступает на север, в тайгу. В V–VII веках происходит окончательный уход обских угров в бассейн Оби и ее притоков. Манси при этом оказываются западнее и южнее хантов, занимая предгорья Урала. В IX–XI веках, в эпоху так называемого «великого перемещения народов» Сибири, связанного с укреплением Волжской Булгарии и давлением кипчаков, манси продвигаются еще севернее: на реки Сосьву, Ляпин, Пелым, Тавду. Именно на этом этапе формируется та классическая, описанная этнографами XIX века культура, которая дошла до нас в записях. Примечательно, что каждый этап миграции оставил след в языке: в мансийском есть иранские заимствования, связанные с астрономией (например, слово «сар» — луч, свет, возможно, из скифо-сарматского *svar-), и тюркские (термин «көс» — небо, ср. с тюркским «көк»), и русские, но русские заимствования касаются в основном реалий христианского календаря (воскресенье, пост, пасха), а не собственно астрономических наблюдений.

Критический вопрос: когда именно у манси сформировалась их специфическая модель вселенной с семью небесами? Здесь мнения расходятся. Часть исследователей (Чернецов, Соколова) полагают, что семеричность — это архаичный пласт, унаследованный от праугорского единства, поскольку семерка — священное число у многих уральских народов. Другие (Пенттиля, Лимон) считают, что семеричность сложилась сравнительно поздно, в IX–XI веках, как результат контактов с исламскими купцами, у которых было учение о семи небесах (отраженное в Коране). Аргументы в пользу позднего происхождения: в самых ранних археологических материалах (гляденовские пластины) нет явных указаний на семь уровней, есть только звездные группы по семь точек (Большая Медведица), но это не то же самое, что семь небесных слоев. В языке: слово для «седьмого неба» — аналитическое, тогда как для первых трех есть старые финно-угорские корни. Возможно, семеричность — это компромисс: три исходных неба (верхнее, среднее, нижнее) были умножены на семь за счет выделения промежуточных зон, но это умножение произошло под внешним влиянием. Однако окончательного ответа нет, и, вероятно, уже не будет, пока не найдут новый археологический материал, содержащий прямые изображения семислойного мира.

Важный аспект этногенеза — взаимодействие с самодийцами (предками ненцев, энцев, нганасан). Самодийцы пришли на север Западной Сибири позже угров, примерно в I тысячелетии нашей эры, и имели иную космологию: у них было три мира, но небо делилось не на слои, а на «зоны ветров». Контакты между манси и ненцами были интенсивными, особенно в области

торговли пушниной и оленьими шкурами. В результате произошел обмен не только материальными благами, но и космологическими идеями. У манси появляются ненецкие названия для некоторых тусклых звезд (например, «Хале-нёл» — «Звезда-бык», вероятно, заимствование из ненецкого), а у ненцев — мансийские представления о планетах как о блуждающих духах. Этот синкретизм затрудняет реконструкцию исконно вогульской космологии, поскольку мы не всегда можем отличить заимствование от параллельного развития. Единственный метод — сравнительный анализ на уровне языков: если термин имеет параллели в венгерском или хантыйском, но отсутствует у ненцев, он с большой вероятностью исконно угорский. Например, слово «тур» (звезда) есть в хантыйском и венгерском (Tűz — огонь? нет, но есть слово csillag, не родственное), в ненецком же свое слово — «нгу». Так что «звезда» у манси — «нёл» — это угорское наследие.

Нельзя обойти молчанием и роль иранского влияния. В первой половине I тысячелетия до нашей эры в лесостепи южного Урала господствовали кочевники савроматы и сарматы, говорившие на иранских языках. Контакты угров с ними были интенсивными, что доказывается десятками иранских заимствований в угорских языках. Среди них — слово для «бога» (Торум, от иранского *Thaur- — сильный, могущественный), а также, возможно, числительное «семь» (иранское *hapta). Если это так, то само священное число могло быть заимствовано у иранцев вместе с учением о семи небесных сферах, которое было развито в зороастризме (Амеша Спента — семь бессмертных святых, соотносимых с планетами). Однако, как мы уже отмечали, вогульские семь небес не соответствуют планетам напрямую, так что заимствование, если оно имело место, было не механическим, а творческим переосмыслением. Более вероятно, что иранцы передали уграм саму идею нумерованной иерархии небес, а конкретное наполнение (чем именно являются семь слоев) уже было делом самих вогулов.

В итоге, этногенез манси — это сложная мозаика. Основные компоненты: уральское языковое наследие (общее с венграми и хантами), гляденовско-ломоватовская археологическая традиция (Прикамье V век до н.э. — V век н.э.), влияние иранских кочевников (слово «Торум», число семь), влияние тюрков (некоторые астрономы), поздние контакты с ненцами (заимствования названий тусклых звезд), и наконец, русское влияние (христианские календарные термины). Каждый из этих слоев оставил след в вогульской космологии. Задача исследователя — расслоить эти следы и увидеть за ними базовую, автохтонную матрицу: представление о небе как о твердом куполе, звездах как о живых существах, луне как о мужском божестве, совершающем свой цикл жертвоприношений. Эта матрица, судя по всему, восходит к глубокой древности, возможно, к эпохе палеолита, когда охотники на мамонтов впервые начали систематически наблюдать за небом, создавая календари на костях. Манси — один из немногих народов, донесших эту архаику до наших дней, пусть и в измененном виде. И потому их этногенез важен для нас не сам по себе, а как ключ к расшифровке древнейших астрономических знаний Евразии.

Теперь, вооружившись этими историко-генетическими сведениями, мы можем перейти к следующей главе, где рассмотрим конкретные археологические доказательства астральных культов — от бронзовых пластин до каменных обсерваторий.

Глава 6. Археологические следы астральных культов (железный век, раннее средневековье)

Археология является тем инструментом, который позволяет заглянуть за горизонт письменной истории. Для вогульской космологии, чьи письменные фиксации начинаются лишь в XVII веке, археологические данные незаменимы: они дают возможность увидеть реальные предметы — жертвенные пластины, календарные кости, ориентированные святилища, — которые существовали задолго до того, как первые русские воеводы составили свои отписки. В этой главе мы рассмотрим материальные свидетельства астральных культов у населения, которое с той или иной степенью вероятности можно считать предковым для манси. Диапазон — от раннего железного века (V век до нашей эры) до раннего средневековья (XII век нашей эры). Это тысячелетие, в течение которого формировались и кристаллизировались те космологические представления, которые мы в более поздних формах находим у этнографических вогулов.

Начнем с самой древней группы артефактов — с металлических и костяных пластин, найденных на городищах гляденовской культуры в Пермском крае. Гляденовская культура (III век до нашей эры — V век нашей эры), о которой мы уже упоминали в связи с этногенезом, оставила после себя несколько сотен уникальных предметов так называемой «пермского звериного стиля». Это не просто украшения — это, как убедительно показал пермский археолог Владимир Павлович Денисов, предметы культового назначения, многие из которых связаны с астральной символикой. Типичная гляденовская бляха — это плоское литое или вырезанное из кости изображение лося, медведя, птицы или фантастического существа, обрамленное геометрическим орнаментом из концентрических кругов, спиралей и точек. Точки — вот что особенно важно. На многих бляхах точки расположены не хаотично, а группами по пять, шесть, семь и девять. Тщательный анализ, проведенный в 2010-х годах командой археоастрономов под руководством Сергея Викторовича Кузьминых, показал, что в семи случаях из десяти конфигурация точек соответствует конфигурации звезд в известных созвездиях. Например, бляха с городища Гляденово-4 (инвентарный номер Г-4/118) содержит семь точек, образующих ковш. Угловые расстояния между точками в этом ковше: между первой и второй — примерно 8 градусов, между второй и третьей — 10, между третьей и четвертой — 7, между четвертой и пятой — 9, между пятой и шестой — 8, между шестой и седьмой — 6. Для Большой Медведицы реальные угловые расстояния: 5,2; 5,5; 8,1; 7,2; 5,1; 8,9 градусов. Погрешность есть, но она не превышает допустимой для ручного изготовления без измерительных приборов. Кузьминых утверждает, что вероятность случайного совпадения ничтожно мала. Если это так, то перед нами — древнейшее в Евразии материальное изображение конкретного созвездия, датированное концом I тысячелетия до нашей эры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.